

От редактора рубрики
From the editor of the section

Представленный раздел "Известий Восточного института" посвящён политике и памяти на Дальнем Востоке. Однако о каком Дальнем Востоке планируется говорить? Речь ведь пойдёт не просто о территории от Байкала до Берингова пролива¹. Прежде всего планируется говорить о Дальнем Востоке как о некоей системе взаимосвязей (исторических, культурных и экономических) между огромной частью России и сопредельными с нею странами Восточной Азии, именно поэтому в исследовательских сюжетах присутствуют Монголия и Япония, а также Северная, Южная Корея и Китай. И именно поэтому в заглавие рубрики был вынесен португальский термин *Extremo Oriente*. Мы предлагаем использовать его для обозначения региона в указанном нами широком смысле, а не строго в границах Дальневосточного федерального округа Российской Федерации.

Авторы предприняли собственные попытки наметить контуры исследовательского поля. А представленные статьи стали поводом начать большой разговор о политике памяти и коллективных представлениях о прошлом на Дальнем Востоке. Мы абсолютно не претендуем на полное и исчерпывающее решение такой сложной и амбициозной задачи – на описание Дальнего Востока как мемориального пространства. Но каждый из авторов, работающих в поле изучения политики, предоставил текст, в котором описываются те или иные проблемы политики в отношении прошлого или памяти, либо в отдельных странах и регионах, либо построенные вокруг одного травматического сюжета прошлого.

В сущности, эти тексты объединяют вопросы единой исследовательской программы. Является ли российский Дальний Восток неким единым пространством памяти? Каким образом в огромном фронтальном регионе сопрягаются многочисленные национальные памяти сопредельных государств? Возможен ли в этих условиях мемориальный консенсус и как выглядят конфликты? Проблемное поле наверняка может быть и значительно шире, однако в пределах нашего дисциплинарного поля мы ограничимся именно этими исследовательскими проблемами. Каждая из них является не просто политической, но и политизированной². При этом граница этого разделения проходит по траектории, заданной ещё Карлом Шмиттом. Дело в том, что в любом случае вместе с памятью о прошлом возникает дихотомия "друг vs враг"³.

Особенно остро эти противоречия возвращаются в публичный дискурс при обсуждении памяти о гражданской войне⁴, эмиграции и интервенции. Также остается непроговорённым огромный пласт воспоминаний о политических репрессиях. В эту же категорию можно отнести и так называемые чужие памяти диаспор китайцев и корейцев. Все эти темы остались вне рубрики, однако это не означает, что они вне проблемного поля *memory studies* на Дальнем Востоке.

В изучаемом регионе политическое становится имманентным атрибутом дискуссий о памяти. Масштаб этих дискуссий велик не только в силу пространствен-

¹ Подробнее см.: Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Зомия на Амуре, или государственный порядок против порядка вне государства // *Полития*. 2018. № 1. С. 151.

² Миллер А.И. Лабиринты исторической политики: прошлое России и попытка самоидентификации // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 3. С. 49–62.

³ Шмитт К. Понятие политического. Санкт-Петербург: "Наука", 2016. С. 280.

⁴ Михалев А.В. Партизан как символ Дальнего Востока России // *Метаморфозы истории*. 2021. № 21. С. 75–86.

ного среза, но и в контексте плотности населения в Азии, а также соотношения плотности населения на Дальнем Востоке России и в соседних с ней странах. Так, например, поднятая Вадимом Сергеевичем Акуленко проблема этногенеза корейцев не локализуется в пределах одного государства. Она имеет отношение как к Южной, так и к Северной Корее, равно как и корейской диаспоре в России. При этом ключевой вопрос этногенеза – это вопрос "откуда мы?". На мой взгляд, именно в этой статье политическое оказывается гармонично шмиттианским, поскольку история происхождения народа оказывается разделённой между двумя сообществами, находящимися в состоянии конфронтации.

Статья Дмитрия Валерьевича Ефременко посвящена проблеме памяти и региональной идентичности в таком сложном регионе как Хабаровский край. Дмитрию Валерьевичу удалось показать сложное многообразие различных внешнеполитических и сугубо местных исторических событий, формирующих память о прошлом, а, вслед за этим, и идентичность. Хабаровский край интересен во многом ещё и тем, что на протяжении 18 лет Хабаровск являлся не просто столицей края, но и всего российского Дальнего Востока. В этом контексте исследование Д.Е. Ефременко имеет особое значение, поскольку представляет срез политики памяти в одном из региональных центров.

Статья Ярослава Славиковича и Леонида Евгеньевича про память о событиях 1938 года в районе озера Хасан представляет собой отличное дополнение сформированного вокруг этого сюжета корпуса текстов описанием важного среза международной памяти. Авторы провели компаративное исследование исторических оценок боев у озера Хасан в Китае, России и в Республике Корея. Действительно историческая политика с данной точки зрения – это малоизученное направление в науке. Сильной стороной исследования является опора на аутентичные источники на китайском и корейском языках.

Память на Дальнем Востоке – это, прежде всего, уникальная "чересполосица" нарративов о событиях: локальных и мировых. Они переплетены самым беспорядочным образом и встроены в настолько сложные контексты, что зачастую бывает трудно отличить локальное от глобального. В этом тоже заключается специфика дальневосточного фронта⁵. Здесь возникает и проблема идентификации политического, на каком уровне памяти о прошлом оно наиболее значимо? Учитывая, что фронт – это собственно и есть рубеж, пространство межкультурного взаимодействия, становится очевидным, что политическое артикулирует любой нарратив о прошлом.

Разговор о фронтире и памяти в Азии мы начинаем со статьи Натальи Владимировны Дьяченко. Её материал уникален, поскольку изучаемая этим автором Республика Алтай граничит одновременно с Китаем, Монголией и Казахстаном. В центре исследовательского внимания помещаются проблемы национального и культурного наследия в Монголии и в Республике Алтай, они сравниваются друг с другом. Исследование построено вокруг политических символов и национальной идентичности. Рубеж двух достаточно разных символических пространств – тюркского и монгольского – пролегает на Алтае. Со стороны Алтая нарратив о древностях сводится к скифской археологической культуре, со стороны же Бурятии – к гуннам (хунну), которых местные археологи относят к монгольской истории. Это является наглядным примером того, что, в одном случае, мы имеем дело с цивилизационным рубежом, а в другом, – с политическим, разделяющим культурно близкие общности.

Интересно, что, например, в Бурятии, также граничащей с Монголией, граница – лишь политический рубеж, в то время как символика и исторический нарратив с той и другой стороны дополняют друг друга. В приграничном городе Кяхта в Бурятии располагается музей I Съезда Монгольской народно-революционной партии.

⁵ См.: Davis S. The Russian Far East. The last frontier. London and New York: Routledge, 2003. 155 p.

Это первое приближение, общий обзор памятей в условиях *Extremo Oriente* в тематическом разделе данного журнала заканчивается статьёй Ивана Олеговича Пешкова. Территориально проблематика его исследования локализована в Забайкалье, являющимся частью Дальневосточного федерального округа. В его статье речь пойдёт о фронтальной нелояльности и памяти в условиях забайкальского приграничья. Этот текст представляет расширенную и переработанную версию опубликованной им в 2017 г. англоязычной статьи "In the shadow of 'frontier disloyalty' at Russia–China–Mongolia border zones"⁶. В новой редакции этого текста, обращенного, прежде всего, к российскому читателю, автор пытается рассказать о культурной травме гражданской войны в условиях приграничного региона. В этих условиях память выступает как некий инструмент разделения не только прошлого, но и настоящего, воспроизводя политическое как некую онтологическую форму.

Итак, рубрика, посвящённая памяти и политике в пространстве, которое я предлагаю назвать относительно аморфной категорией *Extremo Oriente* просто потому, что единство исторической судьбы, на мой взгляд, превалирует над логикой географических границ. Это не просто пересечение сходных опытов повествования о прошлом, но и знаково-символическая система музеев, памятников, и конечно, забвения. Отсюда возникает вопрос, можно ли строить генерализации, опираясь на представленный корпус текстов? Ответ: скорее нет, чем да. Стоит повториться в заключении, что главной задачей при подготовке этого тематического номера было наметить контуры, если угодно – абрис проблемного поля *memory studies* в условиях Дальнего Востока. Вне всякого сомнения, у авторов рубрики впереди большие комплексные и узкоспециальные работы, посвящённые этой теме.

А.В. Михалев

Алексей Викторович МИХАЛЕВ, д-р полит. наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: mihalew80@mail.ru

Alexey V. MIKHALEV, Doctor of Political Sciences, Director of Center of Political Transformation Studies, D. Banzarov's Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: mihalew80@mail.ru

⁶ Peshkov I. In the shadow of 'frontier disloyalty' at Russia–China–Mongolia border zones // *History and Anthropology*. 2017. Vol. 28. № 4. P. 429–444.